

УДК 94(47).084.5/6
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-734-745
Оригинальное исследование

Персональные коммеморации советской высшей школы 1920–1930-х гг. (по материалам периодики Ленинградского государственного университета)

Абдулина Б.М.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
E-mail: abdulina97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена персональным коммеморациям в Ленинградском университете в конце 1920-х – 1930-е гг. Целью исследования является выявление их роли в советизации высшей школы. Для решения поставленной проблемы нами была разработана классификация персональных коммемораций, в основе которой лежит биографический принцип. Анализ материалов, посвященных именованным и профессиональным коммеморациям, а также практикам мемориализации смерти показал, что они отвечали запросам государства. В них содержится декларация поддержки науки, транслируется социально одобряемый образ представителей разных социальных групп, они являются частью культурных и идеологических кампаний советской власти. В рассматриваемый период происходит формирование коммеморативных сценариев, связанных с коммунистами и комсомольцами. В то же время наукоцентризм большевиков способствовал сохранению дореволюционных форм репрезентации коммемораций в советском университете, что наиболее ярко видно на примере чествований и увековечения памяти профессоров.

Ключевые слова: Ленинградский государственный университет, историческая память коммеморации, юбилеи, высшая школа, мемориальные практики, периодическая печать

Для цитирования: Абдулина Б.М. 2023. Персональные коммеморации советской высшей школы 1920–1930-х гг. (по материалам периодики Ленинградского государственного университета). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 734–745. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-734-745

Personal Commemorations of Soviet Higher Education in the 1920–1930s Based on Leningrad State University Periodics' Materials

Bella M. Abdulina

Saint-Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya Line, Saint-Petersburg 199034, Russia
E-mail: abdulina97@mail.ru

Abstract. The article deals with the personal commemorations at Leningrad University in the late 1920s and in the 1930s. The purpose of the research is to define the role of the commemorations in the sovietization of higher education. Therefore, periodicals affiliated with the university were taken as the sources. To address the problem, we developed the classification of personal commemorations based on the biographical principle. The analysis of the birthday and professional commemorations, but also memorialization practices of death revealed that they responded to the demands of the Soviet State. They declare support of science, broadcast socially approved images of different groups' members, and they are parts of Soviet cultural and ideological campaigns. During the period under review, the commemorative scenarios related to communist and Komsomol members are taking shape. At the same

time, the Bolsheviks' science-centrism contributed to the preservation of pre-revolutionary commemorations forms at Soviet universities, as most clearly seen in celebrations in honor of the professors and their commemorations.

Keywords: Leningrad State University, historical memory, commemorations, jubilees, higher education, memorial practices, periodicals

For citation: Abdulina B.M. 2023. Personal Commemorations of Soviet Higher Education in the 1920–1930s Based on Leningrad State University Periodics' Materials. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 734–745 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-734-745

Введение

Академические коммеморации – важное исследовательское поле современной отечественной историографии памяти [Богомазова, 2015, с. 121–122] и university studies. Можно указать на ряд исследовательских проектов, в которых рассматривались отношения высшей школы и власти, механизмы формирования корпоративных практик – процессов, определявших специфику университетских коммемораций¹¹¹. Большинство исследователей основное внимание уделяют изучению институциональных коммемораций в высшей школе [Ростовцев, 2021; University Jubilees, 2015]. Обращение к изучению персональных коммеморативных практик позволяет выявить степень влияния на университетский мир государственной политики памяти. Они являются важным элементом приобщения к корпоративному прошлому и частью обучения профессии [Савельева, 2011, с. 63]. Историография в определенной степени зависит от мемориальных практик, посвящённых выдающимся ученым [Мохначева, 2009, с. 26]. Цель статьи состоит в том, чтобы определить значение персональных коммемораций в качестве инструмента утверждения советской идеологии в высшей школе.

Объекты и методы исследования

Настоящее исследование опирается на методологию и терминологию быстроразвивающегося как за рубежом [Васильев, 2012; Зубанова и др., 2021], так и в России направления memory studies [Ростовцев, Сосницкий, 2014]. На сегодняшний день имеются теоретические работы, посвящённые академической мемориальной культуре Российской империи [Савельева, 2011; Сидорякина, 2011, Еремеева, 2012] и Советского Союза [Ильин, 2020]. В ряде исследований рассматриваются случаи реализации коммеморативных практик научного сообщества [Еремеева, 2014; Долгова, 2019; Ломоносова и др., 2019], также в фокусе современной российской историографии находятся академические некрологи [Сидорякина, 2011]. Таким образом, персональные коммеморации высшей школы изучаются изолированно от контекста общегосударственной мемориальной политики. Авторская классификация данных практик, представленная в настоящей статье, является инструментом, позволяющим охарактеризовать их многообразие. В качестве источниковой базы были выбраны публикации о них в газете «Ленинградский университет» (в 1927–1931 гг. – «Студенческая правда») за 1927–1939 гг., для описания ряда сюжетов мы обращались к статьям из журналов «Вулкан», «Красный студент» и материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Результаты и их обсуждение

Архетип героя являлся одним из ключевых для эпохи социализма. Острая потребность в героях вынуждала советских идеологов прибегать к различным техникам, среди которых

¹¹¹ «Университет как корпорация: эволюция институциональных характеристик в XIX–XXI вв.», 2011 г.; «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть» 2012–2014 гг.; «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII в. – начало XX в.)». 2018–2020 гг.

фальсификации, манипуляции историческими фактами, забвение индивидуальных черт, позволявшим встроить персону в образцовую парадигму [Гюнтер, 2000, с. 744–745]. По нашему мнению, персональные коммеморации являлись одним из инструментов мифотворчества советской эпохи.

Именинные коммеморации

В контексте нашего исследования под именинными понимаются коммеморации, ассоциированные с днем рождения персоналии. На страницах университетской газеты сохранились заметки, посвященные деятелям коммунистического движения, партийным руководителям, профессорам и служащим Ленинградского университета (далее – ЛГУ). Поздравительные тексты для представителей каждой из этих групп имели свои особенности.

После окончания Гражданской войны советское правительство продолжило идеологическую работу с населением страны. Издание студенческой прессы являлось важным элементом политико-просветительской работы, задачей которой было сформировать у студенчества «цельное представление по важнейшим вопросам научной и общественной мысли, выработать единство точки зрения и достичь внутренней спайки» [Вулкан, 1922, № 1, с. 36–37]. В публикациях о немецких коммунистах подчеркивается благородство их характера. В статье к 120-летию К. Маркса герой воплощает образ идеального революционера и борца, при этом основное внимание автора уделено роли его учения в советской и мировой истории [Ленинградский университет, 1938, № 20, с. 2]. Другим примером является заметка к 50-летию Э. Тельмана. В ней делаются акценты на поддержке ее героя пролетариями, его личной скромности [Ленинградский университет, 1936, № 12, с. 4]. Имеется серия статей, посвященных полувекowym юбилеям видных большевиков. С усилением культа личности И.В. Сталина формат таких публикаций изменился. В начале 1930-х гг. они носили формальный характер. Поздравление включало фотографию юбиляра и приветствие. Позже добавился текст поздравительного адреса. По случаю юбилея учреждения могли быть наименованы в честь выдающихся коммунистов. К 50-летию А.С. Бубнова его имя было присвоено ЛГУ. В статье приводится его биография, отражающая участие в революционном движении и достижения в должности наркома просвещения [Ленинградский университет, 1933, № 31, с. 1]. В противоположность этому, когда отмечалось 50-летие Г.К. Орджоникидзе, рубрика об этом, помимо приветственного адреса, включала «Песню о Серго», о вкладе ее героя вместе с И.В. Сталиным в установление советской власти на Кавказе [Ленинградский университет, 1936, № 28, с. 1].

В конце 1920-х гг. творческие объединения оказались под контролем политической цензуры. В качестве фундамента для новой социалистической литературы рассматривались произведения русской классики [Симмонс, 2008, с. 156], что определило интерес к ее исследователям. В 1938 г. в ЛГУ было отмечено 100-летие филолога А.Н. Веселовского. В честь юбилея в печати вышли очерки о его научной деятельности, прошли торжественные вечера, мемориальные выставки и научные семинары ¹¹².

С литературой революционного и раннего советского периода неразрывно связано имя М. Горького. И.В. Сталин рекомендовал идеологам объявить его «основоположником социалистического реализма» [Спиридонова, 2018, с. 227]. Судьба писателя как исторической личности точно отражена в статье к его 60-летию, где он назван «полудобровольным, любимым и почетным “пленником” идеологии борющегося пролетариата» [Студенческая правда, 1928, № 9, с. 3]. Утверждение идеологемы о «пролетарской литературе» находит отражение в статье к 70-летию А.С. Серафимовича. Она включает биографическую справку, отражающую сведения о социальном происхождении героя, образовании, его революционной работе и ссылке, характеристику литературного творчества. Писатель был студентом физико-

¹¹² ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 369. Л. 9.

математического факультета Санкт-Петербургского университета [Ленинградский университет, 1933, № 13, с. 4], поэтому в советское время факультету было присвоено его имя.

Именинные коммеморации выдающихся мыслителей прошлого позволяли продемонстрировать преемственность между их взглядами и большевизмом. К 300-летию со дня рождения Б. Спинозы вышла статья, где он назван одним из «предшественников революционной теории». Этот текст является примером конструирования образа врага в годы сталинского террора: «...в условиях обострения классово-борьбы <...> мы считаем себя не только в праве, но обязанными отметить юбилей Спинозы, рассматривая его проведение как одно из звеньев борьбы с классовым врагом на идеологическом фронте» [Ленинградский университет, 1932, № 13, с. 2]. Именинные коммеморации могли быть использованы для демонстрации отношения к ученым до революции. В статье к 225-летию М.В. Ломоносова, автор описывает вечер памяти ученого при царизме: «В юбилейном сборнике <...> трогательно перепечатано торжественное обеденное меню, составленное, безусловно, с гораздо большей любовью и знанием дела, чем программа всех прочих “торжеств”» [Ленинградский университет, 1936, № 31, с. 2].

Благодаря именинным коммеморациям актуализировались места памяти, связанные с учеными. В 1934 г. отмечалось 100-летие Д.И. Менделеева, что привлекло внимание к состоянию мемориального музея в Главном здании университета, который пострадал от наводнения 1924 г. В год юбилея была открыта мемориальная доска и поставлена задача «создать учреждение мирового значения – музей химической мысли» [Ленинградский университет. 1934. № 13, с. 2]. Именинные коммеморации профессоров использовались для декларации союза государства и ученых. Успехи советской власти в организации науки подчеркиваются в статье к 75-летию климатолога А.А. Каминского; по утверждению ее автора, 2/3 всех трудов профессора были написаны после Октябрьской революции [Ленинградский университет. 1938. № 39, с. 4]. О.Д. Хвольсон, отметивший в декабре 1932 г. 80-летний юбилей, опубликовал в газете «Известия» статью, в которой перечислил достижения в отечественной физике за 15-летний период советской власти, подчеркнув значение Первой пятилетки [Известия, 1933, № 3, с. 3, продублирована в Ленинградский университет, 1933, № 18, с. 3]. К знаменательной дате были переизданы его труды, учреждены стипендии, а большой физической аудитории Научно-исследовательского физического института (НИФИ) было присвоено его имя. Статьи-поздравления подготавливались коллегами или учениками юбиляров, а адреса – комсомольцами и членами парткомов. Особое внимание в них уделялось педагогической работе и участию ученых в реформировании образования. Именинные коммеморации в ЛГУ отражали официальную позицию государства о приоритете развития науки и культуры.

Мемориализация смерти в пространстве университета

Мемориальные мероприятия, ассоциированные со смертью персоналий, были важной частью коммеморативной культуры советского университета. В качестве источников были выбраны некрологи и статьи, приуроченные к годовщинам со дня смерти на страницах университетской газеты.

Университетские коммеморации, содержанием которых являлось прощание с лидерами ВКП(б) в предвоенные годы, несомненно, были вписаны в общегосударственный контекст. Еще до революции в России сформировалась традиция политической агитации через похоронные ритуалы, которая сохранилась после прихода большевиков к власти [Соколова, 2022, с. 99]. Мемориальные мероприятия, посвященные смерти В.И. Ленина, послужили образцом для практик поминовения героев первых пятилеток С.М. Кирова и В.В. Куйбышева [Мальшева, 2016, с. 30]. Смерть главы государства в правительственном сообщении от ЦК РКП(б) было предложено переживать как «тяжелый удар», который «сплотит наши ряды еще сильнее», поскольку «партия пойдет вперед железным шагом,

потому что она – ленинская партия <...> испытана и закалена в боях, потому что у нее в руках то завещание, которое оставил ей товарищ Ленин» [Красный студент, 1924, № 2, с. 1]. Годовщины смерти В.И. Ленина регулярно отмечались. В газетных статьях фиксировались успехи советской власти, перемены, произошедшие в ЛГУ и образовании за годы без вождя, актуализировались его публицистические работы, печатались воспоминания и стихи о нем, давались клятвы. Данные тексты использовались для политической агитации. После завершения внутривнутрипартийной борьбы, в 1930-е гг. они демонстрируют преемственность между ленинским и сталинским курсами, конструируют образ врага. Ярким примером являются тексты об открытии в Москве музея В.И. Ленина в 1937 г. [Ленинградский университет, 1937, № 6, с. 1, № 8, с. 2]

Знаковым политическим событием явились похороны С.М. Кирова. Впоследствии годовщины со дня его убийства стали регулярной коммеморацией. На страницах газет было опубликовано правительственное сообщение, в котором в его смерти был обвинен «злодей-убийца, подосланный классовыми врагами» [Ленинградский университет, 1934, № 40, с. 1]. В ЛГУ прошел митинг «тесного единения крупнейших ученых Союза с нашей партией» [Ленинградский университет, 1934, № 40, с. 3]. Представители университета – дирекция, партком и виднейшие ученые – приняли участие в прощании с С.М. Кировым во Дворце Урицкого (совр. – Таврический Дворец), а редактор газеты «Ленинградский университет» С. Утченко был избран в состав городской делегации на похороны. Студенты выразили «величайшее горе», потребовали наказать виновных и призвали сплотиться вокруг И.В. Сталина [Ленинградский университет, 1934, № 41, с. 1]. В дальнейшем мемориальный нарратив, посвященный С.М. Кирову, включал биографические материалы, воспоминания и стихи о нем, информацию о наименованиях в его честь и статьи об открытии мемориального музея.

Место и значение науки в жизни социалистического государства – важная тема, нашедшая отражение в мемориальных статьях. В текстах, вышедших к Ленинским дням, акцентировалось внимание на взглядах лидера большевиков на организацию образования и роль ученых при коммунистическом строе. В качестве примера можно привести очерк, в котором приводится цитата из трудов В.И. Ленина, а затем она иллюстрируется фактами из реальной жизни [Ленинградский университет, 1933, № 18, с. 1]. Другие лидеры большевиков тоже покровительствовали становлению советской науки. В некрологе о В.В. Куйбышеве он назван «пламенным борцом» за «развитие социалистической науки, ее плановость, за ее величайший расцвет» [Ленинградский университет, 1935, № 5, с. 2]. Другим примером является то, что С.М. Киров назван куратором лаборатории профессора С.В. Лебедева, где разрабатывались вопросы, связанные с организацией производства синтетического каучука [Ленинградский университет, 1938, № 40, с. 4].

ЛГУ принимал активное участие в культурных кампаниях сталинской эпохи. Одна из них была посвящена «дружбе народов», ее задачей было воспеть культурные традиции народов СССР [Платт, 2017, с. 93]. В ходе нее в университете прошли коммеморации, посвященные грузинскому поэту Ш. Руставели¹¹³, на филологическом факультете была устроена выставка к 750-летию поэмы «Витязь в тигровой шкуре» [Ленинградский университет, 1938, № 10, с. 4]. Другим трендом этого времени является реабилитация русской национальной культуры. Одной из задач Второй пятилетки являлось приобщение к ней широких народных масс, поскольку она понималась в качестве одной из идейных основ молодой советской республики [Платт, 2017, с. 321]. В этом контексте знаковым событием является Пушкинский юбилей, отмечавшийся в 1937 г. Празднование Пушкинских дней в университете – еще дореволюционная традиция. В советское время в память о поэте устраивались литературно-музыкальные вечера, культпоходы в театры, экскурсии, выставки, торжественные заседания и даже маскарады [Ленинградский университет, 1936, № 33, с. 4]. Отношение к

¹¹³ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 369. Л. 1; ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 369 Л. 3.

подобным мероприятиям могло быть формальным, например, организация праздника геологами-третьекурсниками была раскритикована [Там же]. В данном контексте необходимо упомянуть, что в университете прошли мероприятия, посвященные В.Г. Белинскому (1923), М.В. Ломоносову (1936), Н.А. Некрасову, Н.Н. Миклухо-Маклаю (1938).

Содержание некрологов и статей к годовщинам смерти отражает часть церемониала, в соответствии с которым в стенах университета переживалась утрата, а также во многом совпадает с юбилейным нарративом. В мемориальных текстах, посвященных выдающимся деятелям, звучит идея бессмертия их начинаний. В качестве примеров можно привести заглавие некролога Н.А. Островского «Он будет жить для нас всегда» [Ленинградский университет, 1936, № 35, с. 2] или процитировать один из текстов памяти В.П. Чкалова: «Безмерна наша скорбь, но велика гордость, что наша страна способна дать миру не одного, а бесчисленную рать чкаловских богатырей» [Ленинградский университет, 1938, № 43, с. 1]. Исследовательница советской похоронной культуры А.Д. Соколова связывает данный факт с атеистическими взглядами коммунистов: вместо христианской идеи вечной жизни они предложили идею строительства мира «светлого будущего», во имя которой приносятся многочисленные жертвы. Таким образом, материалистические похороны становятся витальным актом, предворяющим мир будущего [Соколова, 2022, с. 101].

В прощании с универсантами в дореволюционную эпоху принимали участие члены корпорации вуза, в советское время эта традиция сохранялась. После смерти О.Д. Хвольсона в актовом зале была устроена гражданская панихида, после которой он был похоронен на Смоленском кладбище [Ленинградский университет, 1934, № 21, с. 1]. Переживание горя объединяло коллег и семью покойного. Профессору С.М. Курбатову на страницах газеты выразили соболезнования в связи со смертью дочери [Ленинградский университет, 1933, № 20, с. 4]. Сын профессора К.М. Дерюгина поблагодарил редакцию газеты за почтение памяти умершего отца [Ленинградский университет, 1939, № 3, с. 4]. Похороны К.М. Дерюгина прошли за государственный счет, также университет выступил с ходатайством об установке памятника на его могиле¹¹⁴ и назначении пенсии для вдовы¹¹⁵. В университетской печати размещались тексты, в которых подводились итоги деятельности ученого. Идею продолжения дела покойного отражают заголовки некрологов А.А. Каминского: «Отец метеорологической семьи СССР», «Никогда не изгладится из аналов ЛГУ память об А.А. Каминском», «Памятник ученому – работа учеников» [Ленинградский университет, 1936, № 34, с. 2]. Также в них могли быть отсылки к участию покойного в революционном движении.

Некрологи, посвященные студентам, отражают не только идеологически ангажированный образ комсомольцев, но и реалии эпохи 1930-х гг. В стихотворении в память о студентках-парашютистках Л. Берлин и Т. Ивановой их жизнь представлена как борьба за установление социалистического строя, которая все еще продолжается («...неся с высоты Советов власть <...> Тем, кто пал, боевая слава, Тем, кто жив, боевые дни») [Ленинградский университет, 1936, № 11, с. 1]. В некрологах рассказывается о жизни студентов до поступления в университет и их деятельности во время обучения. Например, Б. Тюрин был участником группы альпинистов ЛГУ [Ленинградский университет, 1936, № 5, с. 4], а А. Канышев принял участие в экскурсии в Крым [Студенческая правда, 1927, № 1, с. 4].

Тексты, посвященные именованным коммеморациям и практикам мемориализации смерти, имеют общие черты. Данные нарративы были идеологически ангажированы и могли быть частью государственной исторической или национальной политики. После отказа от православия в университетской среде сохранилась традиция гражданских панихид. Естественной реакцией на переживание горя утраты являлось объединение и продолжение дела умершего.

¹¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 505. Л. 89–89 об.

¹¹⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 19. Л. 114.

Профессиональные коммеморации

Важную роль в культурном пространстве советского университета играли профессиональные коммеморации, посвященные общественной, научно-преподавательской или творческой деятельности. По формам репрезентации они близки к именованным коммеморативным практикам и способам мемориализации смерти, однако в социалистическом государстве они имели особую смысловую нагрузку.

В Петроградском-Ленинградском университете отмечались юбилеи писательской работы М. Горького. В 1922 г. литературный кружок Рабфака Петроградского университета провел литературный вечер в честь 30-летия его литературной деятельности [Вулкан, 1922, № 2, с. 9–12]. Через десятилетие университетская газета опубликовала приветственный адрес от научных работников и студентов, а также посвятила творческому юбилею писателя передовую статью [Ленинградский университет, 1932, № 1–2, с. 1]. В очерке, подготовленном сотрудниками университетской библиотеки, особое внимание уделено ленинским оценкам его творчества. Авторам статьи ценен взгляд М. Горького на человека, поскольку он «всегда зовет вперед, вдохновляя к неустанной борьбе за нового человека – строителя бесклассового общества» [Там же]. Его человеколюбие, неравнодушие и бескорыстие иллюстрируются статьей «Воспоминания о М. Горьком», вышедшей в следующих номерах [Ленинградский университет. 1932. № 3, с. 4, № 4, с. 4].

На рассматриваемый период пришлись системные изменения в научном сообществе. Наука становится социальным институтом, в результате государственной политики 1920–1930-х гг. научные работники юридически стали привилегированной профессиональной группой. Мощный социальный запрос на популяризацию науки привел к тому, что персона ученого стала публичной, а результаты его трудов должны были быть представлены в форме, доступной широким слоям населения [Долгова, 2020, с. 363–364, 367]. В результате действия этих тенденций представители академического мира стали героями кинематографа. Профессор-лидер научной школы – один из популярных образов ученого в советской культуре этого времени. В качестве примера можно привести профессора Полежаева из фильма «Депутат Балтики» («Ленфильм», 1936 г., режиссеры А.Г. Зархи, И.Е. Хейфец), прообразом которого является К.А. Тимирязев [Долгова, 2020, с. 316–318]. У корреспондента газеты вызывает возмущение, что, несмотря на популярность этой ленты, интерес к трудам реального ученого остался невысоким [Ленинградский университет, 1937, № 18, с. 2].

Нарратив о профессиональном юбилее ученого включал ряд тем, которые по возможности старались осветить. Прежде всего, это вехи его научной биографии и значение исследований. В этом разделе могло быть указано количество публикаций, названия лучших работ, отмечаться то, что результаты его исследований признаются за пределами СССР и имеют практическое применение. Во-вторых, описание преподавательской манеры профессора: способность объяснить сложный материал, наличие учеников, продолжающих исследования руководителя, внимание к их жизни и обстоятельствам. В качестве примера можно привести случай, упомянутый в статье к 55-летию научно-преподавательской деятельности А.Е. Фаворского. У его аспирантки заболел супруг, профессор, узнав об этом, на следующий день принес «реактив», который велел дать выпить больному [Ленинградский университет, 1939, № 2, с. 4]. В-третьих, общественная деятельность или участие в революционном движении. Данная тема раскрывается перечислением участия героя в комиссиях и органах советской власти. В случае если в биографии профессора были эпизоды, которые можно трактовать как сочувствие революции, о них упоминалось в юбилейных статьях. В статье к 45-летию научной работы М.Э. Янишевского рассказывается, что он потерял место на кафедре палеонтологии Томского технологического института, поскольку предложил на заседании Ученого Совета почтить молчанием память жертв Кровавого воскресенья [Ленинградский университет, 1939, № 3, с. 3]. По возможности в статьях приводилась «революционная» биография

профессора. Яркой иллюстрацией является очерк о гистологе А.В. Немилове, 35-летие научно-педагогической деятельности которого отмечалось в 1936 г. В юности будущий ученый занимался перевозкой запрещенной литературы и писал публицистические заметки, обличавшие царский режим, «глубоко и страстно ненавидел старый строй». После Октябрьской революции поддержал советскую реформу высшей школы, а став проректором по учебной части, «превратил ее [должность] в боевой пост, откуда <...> продолжал вести борьбу против старого университета» [Ленинградский университет, 1936, № 29, с. 2].

Профессиональные коммеморации, посвященные профессорам, могли быть средством привлечения внимания к тем или иным аспектам академической жизни. Так, в начале заметки, в которой универсанты призывают улучшить положение дел на кафедре геохимии, не имеющей собственного кабинета, авторы цитируют слова академика, выдающегося геолога Ф.Ю. Левинсона-Лессинга, сказанные на заседании, приуроченном к 50-летию его научной деятельности, о важности этой дисциплины [Ленинградский университет, 1935, № 11, с. 4].

Накануне принятия Конституции 1936 г., провозгласившей, что власть в СССР принадлежит «трудящимся города и деревни» [Конституция], на страницах университетской газеты появляется ряд заметок, посвященных профессиональным юбилеям служащих ЛГУ. Понятие юбилея в данном случае трактовалось достаточно широко. В качестве примера можно привести заметки о 28-летию работы в качестве секретаря студенческого отдела М.М. Ивановой или о 30-летию водительского стажа шофера ЛГУ К.И. Сильмановича [Ленинградский университет, 1936, № 12, с. 4, № 27, с. 2]. В поздравительных статьях рассказывается о добросовестном отношении к труду их героев, выражаются благодарности и пожелания. Авторами таких очерков зачастую являются представители коллектива, в котором работает юбиляр, они могут ходатайствовать о присвоении ему почетного звания, выплате премии. Так же как и в случае с профессорами, если это возможно, внимание может быть уделено участию служащего в революционном движении и Гражданской войне. В качестве примера можно привести рассказ водителя К.И. Сильмановича в автобиографической заметке о службе во время боев с армией Н.Н. Юденича: «работали, не зная устали: днем едешь на легковой, а к вечеру пересаживаешься на грузовик и до утра развозишь продовольствие по базам. Ночи были тревожные» [Ленинградский университет, 1936, № 27, с. 2]. Более скромное участие в установлении советской власти принял типографский наборщик И.С. Гурвич, участвовавший в печати прокламаций. Случай с его профессиональным юбилеем интересен также тем, что праздник совпал с «днем большевистской печати» и 25-летием газеты «Правда». Вероятно, поэтому событию посвящена целая газетная колонка [Ленинградский университет, 1937, № 17, с. 2]. В 1937–1939 гг. заметки о профессиональных коммеморациях служащих ЛГУ появлялись реже, чем в 1936 г., и были значительно меньше по объему. Так, в честь 40-летия работы на Географическом факультете служащего Ф.П. Прокофьева в газете была опубликована только его фотография с подписью [Ленинградский университет, 1939, № 3, с. 1].

В советском университете профессиональные коммеморации являлись поводом отдать дань уважения выдающимся общественным деятелям и универсантам. Несомненно, выбор героев находился под идеологическим диктатом, который усиливался на протяжении 1930-х гг. Рассказ об успехах в научной и педагогической деятельности являлся необходимым элементом поздравительной статьи. На ранних этапах становления сталинизма сведения об участии в революционной или общественной деятельности могли опускаться, затем тексты становятся более объемными как за счет этого раздела, так и воспоминаний студентов.

Заключение

Предложенная нами модель персональных коммемораций в ЛГУ в конце 1920-х – 1930-е гг. основывается на биографическом принципе. Именинные коммеморации отражают этапы жизненного пути и впоследствии становятся основой для практик мемориали-

зации, воспроизводящихся после смерти персоналии, профессиональные – вехи ее общественной, трудовой или творческой деятельности. Потребность в «новом человеке» эпохи социализма приводила к тому, что тексты, написанные в связи с коммеморативными практиками, имели общие черты. Они отвечали идеологическим запросам советского государства конца 1920–1930-х гг. К ним относятся конструирование социально одобряемого образа представителей разных профессиональных групп, декларация поддержки науки и ученых, создание образа врага и культа личности советских вождей, культурная кампания по пропаганде «дружбы народов» и реабилитации русской культуры, подготовка к принятию Конституции 1936 г. В рассматриваемый период оформлялся сценарий коммеморативных практик, посвященных коммунистам, формы репрезентации коммемораций, связанных с другими социальными группами, оставались традиционными. Однако их содержание было подчинено задачам новой власти. Наукоцентризм большевиков способствовал сохранению дореволюционных традиций в стенах университета. Это прослеживается в сохранении этапов поминального цикла профессоров, предполагающих публикацию некрологов, участие универсантов в гражданской панихиде, отмечание годовщин смерти, организацию мемориальных выставок, а также в праздновании юбилеев научно-преподавательской деятельности, в государственной поддержке, оказываемой выдающимся ученым вне зависимости от их политических взглядов.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект 23-28-01433 «Юбилейные коммеморации Санкт-Петербургского университета».

Список источников

- Вулкан. 1922. 1, 2.
Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Электронный ресурс. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 05 марта 2023).
Красный студент. 1924. 2.
Студенческая правда (с 1931 г. – Ленинградский университет). 1927. 1, 1928. 9, 1932. 1–2, 13, 1933. 13, 18, 20, 31, 1934. 21, 40, 41, 1935. 5, 11, 1936. 5, 8, 11, 12, 27, 28, 29, 33, 35, 1937. 8, 17, 18, 1938. 10, 20, 40, 43, 1939. 2, 3.
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 369. Переписка с Наркомпросом РСФСР в связи с юбилеями и торжествами (поздравления, приветствия).
ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Д. 505. Переписка со Всесоюзным комитетом по делам Высшей школы СНК СССР и Наркомпросом РСФСР по научной и учебной работе).
ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 19. Приветствия и подразделения юбиляров и заслуженных деятелей науки и искусства. Материалы по проведению революционных праздников. Часть I.

Список литературы

- Богомазова О.В. 2015. Проблемное поле историографии и «история памяти»: краткий обзор современных исследовательских направлений. Вестник Челябинского государственного университета. История, 65 (16): 120–126.
Васильев А.Г. 2012. Memory Studies: Единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти). Новое литературное обозрение, 5 (117): 461–480.
Гюнтер Х. 2000. Архетипы советской культуры. В кн.: Соцреалистический канон. Ред. Х. Гюнтер, Е.А. Добренко. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект»: 743–784.
Долгова Е.А. 2019. «Восьмидесятилетних юбилеев не бывает?»: пять памятных дат жизни Н.И. Кареева, 1917–1931 гг. В кн. Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого. Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет: 143–148. doi: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/24
Долгова Е.А. 2020. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., РГГУ, 471 с.

- Еремеева С.А. 2012. «Бремя памяти»: некролог как академическая практика. Вестник РГГУ. Серия: философия, социология, искусствоведение, 11 (91): 20–28.
- Еремеева С.А. 2014. В.И. Вернадский и практика поминовения в научном сообществе. В кн.: Мир историка: историографический сборник. Ред. В.П. Корзун. Омск, Издательство Омского государственного университета, 9: 335–362.
- Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л., Шуб М.Л. 2021. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала “Memory studies”. Социологические исследования. 2: 140–145. doi: 10.31857/S013216250010091-3
- Ильин А.А. 2020. Прошлое, настоящее и будущее советского вуза: юбилейные истории высших учебных заведений 1930–1980-х годов. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 25 (2): 93–102. doi: 10.15688/jvolsu4.2020.2.7
- Ломоносова М.В., Васильева Д.И., Козловский Н.В., Агеева А.И. 2019. Похороны Максима Максимовича Ковалевского. Некрологи и посмертные сообщения в периодической печати как источник информации в историко-социологических исследованиях. Наследие, 1: 146–163. doi: 10.31119/hrtg.2019.2.11
- Малышева С.Ю. 2016. Красный танатос: некротрансформизм советской культуры. Археология русской смерти, 2: 22–47.
- Мохначева М.П. 2009. Источники по истории становления и развития историографии в МГИИ – ИАИ РГГУ. Статья первая. Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований, 4 (9): 23–47.
- Платт Дж.Б. 2017. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. Пер. с англ. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 351 с. (Platt J.B. 2016. Greetings, Pushkin!: Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard. University of Pittsburgh Press, 365 p.)
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. 2014. Направления исследований исторической памяти в России. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2: 106–126.
- Ростовцев Е.А. 2021. Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919–1939). Вече: ежегодник русской философии и культуры: 174–189.
- Савельева И.М. 2011. «Уроки истории» ученой корпорации. В кн.: Мир историка: историографический сборник. Ред. В.П. Корзун. Омск, Издательство Омского государственного университета. 7: 63–80.
- Сидорякина Т.А. 2011. Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. В кн.: Мир историка: историографический сборник. Ред. В.П. Корзун. Омск, Издательство Омского государственного университета, 7: 95–109.
- Симмонс Э.Дж. 2008. Политический контроль и советская литература. Пер. с англ. Политическая лингвистика, 1 (24): 156–163 (Simmons E.J. 1953. Introduction: Soviet Literature and Controls. In Book: Through the Glass of Soviet Literature. Views of Russian Society. Ed. By E.J. Simmons. N.Y., Columbia University Press: 3–26).
- Соколова А.Д. 2022. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., Новое литературное обозрение, 453 с.
- Спиридонова Л.А. 2018. Творчество Горького и возникновение социалистического реализма. Studia Litterarum, 3 (1): 212–233. doi: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-212-233

References

- Bogomazova O.V. 2015. Problemnoe pole istoriografii i “istorija pamjati”: kratkij obzor sovremennyh issledovatel'skih napravlenij [Problem Field of Historiography and “History of Memory”: A Brief Overview of Modern Research Directions]. Bulletin of Chelyabinsk State University. History, 65 (16): 120–126 (in Russian).
- Vasil'ev A.G. 2012. Memory Studies: Edinstvo paradigmny – mnogoobrazie ob'ektov (obzor anglojazychnyh knig po istorii pamjati) [Memory studies: the Unity of Paradigms – the Diversity of Projects]. Novoe literaturnoe obozrenie, 5 (117): 461–480 (in Russian).

- Gunter H. 2000. Arhetipy sovetskoj kul'tury [Archetypes of Soviet Culture]. In: Socrealisticheskij kanon [Socialist Realist Canon]. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt: 743–784 (in Russian).
- Dolgova E.A. 2019. “Vos'midesjatiletnih jubileev ne byvaet?»: pjat' pamjatnyh dat zhizni N.I. Kareeva, 1917–1931 gg. [“Don't an 80th Anniversaries Happen?»: 5 Memorable Dates from N. Kareev's Life]. In: Tvorcheskaja laboratorija istorika: gorizonty vozmoznogo (k 90-letiju so dnja rozhdenija B.G. Mogil'nickogo) [Creative Laboratory of Historian (to the 90th Anniversary of B. Mogilnitsky)]. Tomsk, Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet: 143–148 (in Russian).
- Dolgova E.A. 2020. Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920–1930-e gg. [The Birth of Soviet Science in the 1920–1930s]. Moscow, RGGU, 471 p. (in Russian).
- Eremeeva S.A. 2012. «Bremja pamjati»: nekrolog kak akademicheskaja praktika [The Burden of Memory: Obituary as an Academic Practice]. RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies, 11 (91): 20–28 (in Russian).
- Eremeeva S.A. 2014. V.I. Vernadskij i praktika pominovenija v nauchnom soobshhestve [V.I. Vernadsky and Practice of Commemoration in the Scientific Society]. In: Mir istorika: istoriograficheskij sbornik [The World of the Historian: a Historiographic Collection]. Edited by V.P. Korzun. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, (9): 335–362 (in Russian).
- Zubanova L.B., Zyhovskaya N.L., Shub M.L. 2021. Aktual'nye trendy pamjati: problemnoe pole zhurnala “Memory studies” [Actual Trends of Memory: the Problem Field of “Memory Studies”]. Sociologicheskie issledovanija. 2: 140–145 (in Russian).
- Ilin A.A. 2020. Proshloe, nastoyashchee i budushchee sovetskogo vuza: Yubileynye istorii vysshikh uchebnykh zavedenij 1930–1980-kh godov [Past, Present and Future of the Soviet University: Jubilee Histories of Higher Education Institutions in the 1930s – 1980s.]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 25 (2): 93–102 (in Russian).
- Lomonosova M.V., Vasilyeva D.I., Kozlovskiy N.V., Ageyeva A.I. 2019. Pohorony Maksima Maksimovicha Kovalevskogo. Nekrologi i posmertnye soobshcheniya v perio dicheskoj pechati kak istochnik informacii v istoriko-sociologicheskikh issledovaniyah [The funeral of M. Kovalevsky. Obituaries and reports of his deaths in the periodical press as a source of information in historical and sociological research]. Heritage, 1: 146–163 (in Russian).
- Malysheva S.J. 2016. Krasnyj tanatos: nekrosimvolizm sovetskoj kul'tury [Red Thanatos: the symbolism of the death in Soviet culture]. The Archeology of Russian Death. 2: 22–47 (in Russian).
- Mokhnacheva M.P. 2009. Istochniki po istorii stanovlenija i razvitija istoriografii v MGIAI – IAI RGGU. Stat'ja pervaja [Sources on History of Becoming and Development of a Historiography in MSIHA – IHA RSUH. The First Part]. RGGU Bulletin. Series: Historical Sciences: Historiography, Source Studies, Methods of a Historical Research, 4 (9): 23–47 (in Russian).
- Platt J.B. 2017. Zdravstvuj, Pushkin!: stalinskaja kul'turnaja politika i russkij nacional'nyj pojet [Greetings, Pushkin!: Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard]. Translation from English. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 365 p. (in Russian).
- Rostovtsev E.A., Sosnytskiy D.A. Napravlenija issledovanij istoricheskoi pamjati v Rossii [Main Areas of Russian Memorial Researches]. Vestniks of Saint Petersburg University. Istorija. 2: 106–126 (in Russian).
- Rostovtsev E.A. 2021. Sankt-Peterburgskij universitet v sovetskoj istoriografii i kommemorativnyh praktikah (1919–1939) [St. Petersburg University in Soviet Historiography and Commemorative Practices (1919–1939)]. Veche: Yearbook of Russian Philosophy and Culture: 174–189 (in Russian).
- Rudjak B.M. Sud'ba fotoportreta [The Fate of Photographic Portrait]. Around the World, 5: 4–5 (in Russian).
- Saveleva I.M. 2011. “Uroki istorii” uchenoj korporacii [“Lessons of History” scientific corporation]. In: Mir istorika: istoriograficheskij sbornik [The World of the Historian: a Historiographic Collection]. Edited by V.P. Korzun. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, (7): 63–80 (in Russian).
- Sidoryakina T.A. 2011. Zhizn' posle smerti: memorial'nye praktiki v povsednevnoj zhizni nauchnogo soobshhestva istorikov pervoj tretej XX v. [Life After Death: memorial Practices in the Daily Life of the Academic Community of Historians of the First Third of the XX Century] In: Mir istorika: istoriograficheskij sbornik [The World of the Historian: a Historiographic Collection]. Edited by V.P. Korzun. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, (7): 95–109 (in Russian).

- Simmons E.J. 2008. Politicheskij kontrol' i sovetskaja literatura [Political Controls and Soviet Literature]. Translation from English. *Political Linguistics*, 1 (24): 156–163 (in Russian).
- Sokolova A.D. 2022. Novomu cheloveku – novaja smert'? Pohoronnaja kul'tura rannego SSSR [Is a new person a new death? The funeral culture of the early USSR]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 453 p. (in Russian).
- Spiridonova L.A. 2018. Tvorchestvo Gor'kogo i vzniknovenie socialisticheskogo realizma [Gorky's Work and the Rise of Socialist Realism]. *Studia Litterarum*, 3 (1): 212–233 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.03.2023

Received 31.03.2023

Поступила после рецензирования 22.05.2023

Revised 22.05.2023

Принята к публикации 22.05.2023

Accepted 22.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абдулина Бэлла Марсельевна, аспирант кафедры истории России с древнейших времен до XX в., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Bella M. Abdulina, postgraduate of the Department of History of Russia from Ancient Times to the XX Century, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4062-9052](https://orcid.org/0000-0002-4062-9052)